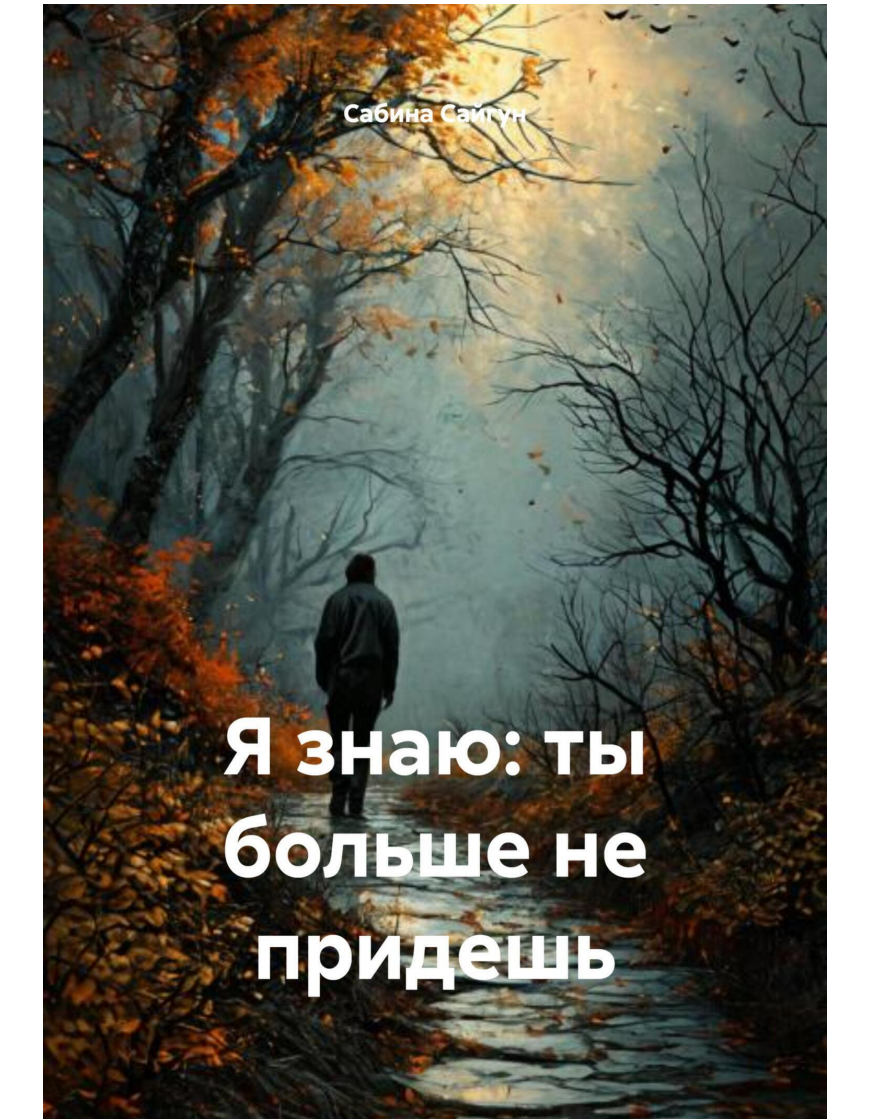

A person is walking away from the viewer down a path in a forest during autumn. The path is covered with fallen orange and yellow leaves. The trees on either side have sparse, colorful foliage, and some bare branches are visible against a hazy, light-colored sky. The overall mood is melancholic and contemplative.

Сабина Сайгун

**Я знаю: ты
больше не
придешь**

Сабина Сайгун

Я знаю: ты больше не придешь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72644392

SelfPub; 2025

Аннотация

«Я знаю: ты больше не придёшь...» – это не просто история о болезни и смерти. Это сложное, многослойное произведение о том, как далеко может зайти любовь, о поиске смысла в бессмысленной трагедии и о тонкой грани между верой и отчаянием, между Богом и Дьяволом, которые в этой истории оказываются гораздо ближе к человеку, чем кажется. Книга оставляет после себя тяжёлое, но очищающее чувство и множество вопросов, над которыми хочется размышлять.

Сабина Сайгун

Я знаю: ты больше не придешь

БАКУ 2020

В тот день вокруг меня были только птицы. Это такое необычное ощущение, когда ты стоишь в самом центре огромного парка, а вокруг тебя то вспархивая в самую высь, то роняя себя в лёгком полёте на землю, маленькими комочками летают приветливые птички. Не пугаясь прохожих, пернатые прыгают по булыжной мостовой, жадно подбирая с плит безвозмездно презентованный им корм. Они резко взлетают вверх, будто договорившись между собой, поднимаются над самой головой и снова приземляются. Я засмотрелась на них, почувствовав, как воздух стал наполняться влагой, знаменуя, что подплывшие и сгустившиеся над сквером тучи напомнят о себе проливным дождём. Небо резко опечалилось, отправив за грустные облака блёклый круг слабого солнца, безнадёжно пытающегося прогреть осенний воздух. Я поправила воротник старого пальто, приподняв его и сжавшись под его тонкой тканью, встала с деревянной

скамейки. Мои лёгкие туфельки на высоком каблуке просто не вынесли бы нашествия дождя. Я поторопилась, заметив, как и птицы разлетелись, почуяв настрой неба. Дневник, в котором корявым почерком я делала быстрые записи, я уложила в сумку, а сумку повесила через плечо, шагнув вперёд...

...Он был не такой, как все. Удивительно, но в его карих глазах будто останавливалось время, замирала вся жизнь. Мы были ровесниками, а мне казалось, что у него не было возраста. Он был мудрым семьянином и маленьким дитятей одновременно, и обе его ипостаси я одинаково нежно любила, относясь к каждой с особым пониманием. Его возраст менялся вместе с каждым прожитым им днём, с каждым приобретённым опытом, с каждым новым знакомством, с каждым разочарованием, с каждой прочтённой книгой, я же будто застряла в прошлом, облетая жестокую землю на розовых облаках, веря в людей, вечерами перечитывая Библию, а по воскресеньям просматривая серии новых мультфильмов от Уолта Диснея. И мы любили друг друга так, как только могут любить друг друга два совершенно разных человека. Мы и вправду были очень разными... Я стояла на берегу спокойного моря, мои ноги прогревал тёплый золотистый песок, а он покорял всё новые и новые вершины самых опасных гор. Мне было грустно там, где было весело ему, а ему хотелось быстрее домой оттуда, куда безудержно тянуло меня. И эта была любовь. Самая настоящая, пламенная любовь...

В тот самый день, когда над огромным гектаром современного комплекса парка собрались тёмные тучи, принёсшие с собой холодный дождь, он сидел на деревянной скамейке, внимательно вглядываясь в окружающее, так же, как и я, рассматривая бездомных птиц и тоже совершенно не замечая прохожих. Он сразу привлёк моё внимание, несмотря на то что в тот день в парке было особенно многолюдно. Я медленно прошла мимо него, вернее, попыталась это сделать, потому что в один момент, когда до его скамейки мне оставалось несколько шагов, каблук моей туфельки резко подвернулся, и я со всего маху свалилась на холодный асфальт, почувствовав, как к лицу сразу подкатил жар стыда. Плюс с неба стали сыпаться крупные капли дождя, в одно мгновение превратившего меня в маленькое мокрое пятнышко на фоне всего города. Самое страшное для меня ещё со школьных времён – оказаться в неловком положении, особенно если вокруг было столько людей. Он сразу же встал с места и бросился ко мне, помог подняться, вглядываясь в моё искривлённое от смущения и боли лицо. Эти туфли до сих пор стоят в моём шифоньере... Хромая, я шла до такси, а он, улыбаясь, вёл меня под руку, запрыгнув вместе со мной в тёплый салон машины. Мы вместе дожидались возвращения моей туфельки с ремонта у маленькой будки болезненного мастера, который усердно с ней возился, укрывшись от дождя под тонким картоном завалявшейся поблизости коробки. Прошло всего лишь пятнадцать минут, и я

дождалась приглашения в ближайший ресторан выпить по чашечке чая, подсохнуть и прогреть замёрзшие руки. Впрочем, мы не обошлись одним чаем, а сытно поужинали. Я с таким удовольствием уплетала картофельные котлеты, медленно разжёвывая кусочки обжаренного мяса и запивая всё это апельсиновым соком. Он же обманул желудок овощным салатом, стараясь больше говорить, чем есть. На следующий день мы уже держались за руки, ещё через день целовались в подъезде, уловив момент, когда рядом не было ни души. Мы вылавливали эти мгновения из повседневности и обыденности, делая сами себя счастливыми, ведь из этих коротких, ярких мгновений и складывалась вся жизнь.

Он очень любил лето. Я любила осень. Он любил морские волны, белые облака, запах неба, приморский парк, шум, дискотеки. Я любила вальс жёлтых листьев, серые облака, запах дождя, кофе и бессмысленные сериалы по вечерам. Я будто старела, а он молодел. Я будто стояла, а он бежал. И в этом была наша изюминка, наше преимущество. Я любила его, начиная с аккуратно уложенных назад чёрных волос до кончиков пальцев, скрывая это чувство за стенами гордыни. Я ревновала его к незнакомым прохожим, иногда стесняясь признаться себе в этом. Он тоже скрывал свои чувства, прикрываясь отрепетированной улыбкой, когда что-то становилось не так, когда к его маленькому сердечку подбегали подозрительные мысли. Я была романтичной гречанкой, он весёлым, жизнелюбивым турком. Меня после появления

на свет бабушка с любовью назвала Кайла, ему отец подарил имя Али...

Мы сняли маленькую, но уютную квартиру на третьем этаже пятиэтажного дома. Одна комната была со вкусом переделана в две, где в минимально тесных, но уютных условиях разместилось всё. Пространства было достаточно на двоих, встречающихся утром за завтраком и вечером на маленьком диване у телевизора. Наш старый каменный дом смотрел на центральную улицу. А вместе с ним и мы, удобно устроившись на балконе и обнявшись, смотрели на ту же улицу, считая минуты счастья и тихо молясь, чтобы эти минуты тянулись вечно. Со дня переезда я стала просыпаться рано. Часы показывали шесть. Я готовила завтрак, будила любимого, нежно прикасаясь губами к его тёплому лбу. Он неохотно выползал из-под тёплого одеяла, сонным голосом желая мне доброго утра, в то время, как оно уже было добрым, ведь рядом был он. И как-то по-разному каждое утро светило солнце, как-то по-разному по городу разгуливал ветер и светило прихворавшее солнце, по-разному мы просыпались, понимая, что неизменно только оно, самое красивое чувство на земле, неизменна наша любовь. У Али были необыкновенные глаза, необыкновенный взгляд. Я любила их цвет, их глубину, их пронзительность и спокойствие, с которым он на меня смотрел. Я любила его сильные руки, плечи. Любила его лёгкую походку, любила запах его красивых волос, но при этом закапывала в себе это чувство, чтобы моя половинка не

«зазналась». Я была уверена, что с той же тонкостью и силой он любит меня и принципиально скрывает от меня свои чувства, позволяя мне довольствоваться самым малым. Мы разбегались каждый по своим делам до восьми утра и встречались уже вечером, обычно на автобусной остановке. Он с поношенным кейсом в руках, который суеверно не хотел менять на новый, я с огромной сумкой, напичканной бумагами, смотрящейся упитанно в моих хрупких руках. Мы обнимались так крепко, будто с момента расставания прошла вечность, и, взявшись за руки, мирно шли в маленький, набитый всем, чем можно, маркет за углом, делясь друг с другом впечатлениями прошедшего дня, покупая чипсы, напитки, орешки, холодные закуски и закусывая губу в предвкушении нагрянувшего на порог вечера и грядущей долгой ночи.

Да, бывало, когда мы чувствовали себя чужими и так явно ощущалось, что мы разные, и так резко друг от друга отличаемся, но эти мгновения так быстро, сами по себе исчезали, не оставив после себя и следа. Просто в наших сердцах всё плохое быстро забывалось, мы не оставляли в сердцах зла. Мы жили мгновениями, минутами, из которых складывалась наша жизнь. Это, наверное, удивительно, но мы никогда не думали о будущем, не делили нашу жизнь на этапы. У нас не было прошлого, потому что мы его забыли. Раз и навсегда. Мы не рассказывали друг другу о том, что было в жизни каждого до нашего знакомства, не рассказывали друг другу старых историй, не делились ощущениями и впечатлениями,

тянущимися из прошлого. Мне не было интересно, кто был у него до меня, ему не было интересно, кто был у меня. Мы оба понимали: людям из прошлого нет места в наших буднях. Они безвозвратно остались там, где им, так получается, было положено остаться. Сегодня я и Али были вместе... Чайник резко засвистел, и я отложила в сторону карандаш, вспомнив, что надо заварить чай. Я была одна в нашей маленькой комнатке. На стене умиротворенно тикали часы, разукрашенная телеведущая спортивного канала что-то нашёптывала себе под нос, будто чувствуя, что ничего из сказанного ею никому не интересно, она торопливо оповещала о последних новостях. Мне тоже это было не интересно, и потому я мимолётным взглядом безучастно смотрела на мелькающие картинки, резко выползающие на светящемся экране таинственного телевизора. Сегодня у меня был выходной, и я решила для себя бессмысленно поваляться на диване и заняться благородным ничем. Записывая в дневник свои мысли в уголку странички, я рисовала каких-то странных человечков, при том они получались у меня такими смешными, что непроизвольно на моём лице расплывалась задумчивая улыбка. Откуда появлялись эти образы, я не понимала. Я рисовала жёлтым карандашом бледное солнце, серым – луну, голубым – облака, экзотические деревья, странных животных, и на листе получился бессмысленный, спонтанный рисунок моих переполненных фантастикой мыслей. Но чай получился вкусным. Я любила добавлять в него подсушенные

корки фруктов – апельсинов, бананов – и наслаждаться их тропическим ароматом. Ещё утром я скинула несколько коротких смсок любимому и тут же получила на них взаимный ответ. Мы часто переписывались в течение дня, коротая время, проведённое вдали друг от друга. Из смсок получалось, что у него немного болела голова, он поел во время обеда, выпил бокал яблочного сока и очень скучал. Последнее сообщение было особенно приятным. Я потянулась на стуле, почувствовав в плечах усталость, и протянула руку к телефону, чтобы скинуть Али маленькое напоминание о себе, как вдруг на экране засветился его номер. Я улыбнулась своим мыслям и приложила аппарат к уху, как вдруг в ответ на моё ласковое «да» по ту сторону в панике мне отозвался незнакомый женский голос. Я спустила ноги со стула и внимательно выслушала её. Али стало резко плохо, он потерял сознание, и его увезла в центральный госпиталь, немедленно прибывшая в офис машина скорой помощи. Я пошатнулась, закидывая сознание миллионами вопросов и натываясь только на одно – надо скорее бежать к нему! А ведь секунды назад всё было так хорошо, ведь всего лишь секунды разделяли нас друг от друга, ведь всего лишь несколько десятков километров стояли между мной и им. Я не стала задавать лишних вопросов, понимая, что некогда ждать ни них ответы. Джинсы я застегнула уже в такси, чувствуя, как по спине потекли холодные капельки пота. Что-то странное творилось внутри меня: сначала меня бросило в жар, потом резко ста-

ло знобить, в глазах темнело, а иногда что-то мелькало у самого носа... какие-то рисунки, недопитый чай, стрелки часов, последние строчки смс. Последнее смс. Да, смска, датированная 03.05.2016 с одним единственным «скучаю» в тексте осталась навсегда в моём телефоне. Больше Али мне не напишет. Никогда...

Ворвавшись в пропитанный запахом лекарств госпиталь, я как вкопанная встала у ресепшен, несколько секунд пытаюсь прийти в себя.

– К вам недавно прибыл Али Гювен, – повторяла я, будто все остальные слова из меня высыпались и куда-то разбежались. Высокая баба в белом халате, не поднимая головы, порылась в своём безмозглom компьютере и холодно назвала мне номер палаты, неохотно показав рукой, куда мне нужно пройти, и снова опустила свою выкрашенную в рыжий цвет голову над скопившимися на столе бумажками. 405 палата была на четвёртом этаже, и я не стала ждать лифт, бросившись к лестничной площадке. Вот он, мой Али!

Он лежит на маленькой больничной кровати, прикрытый синей простынёй. Над ним системный баллончик с какой-то прозрачной жидкостью. Глаза у него закрыты, а руки спокойно лежат по обе стороны. В правую руку вколота игла с накопником – бабочкой, зафиксированная белым скотчем. Он ровно дышит. Бледные губы сжаты. Я чувствую его тёплое дыхание, запах его парфюма, который он прыснул на себя, стоя перед зеркалом в коридоре. Он цел, и я выдохнула.

– Али, мой Али, что с тобой? – шепнула я, аккуратно прижав свои тёплые губы к его холодному лбу. Он медленно открыл глаза и как-то странно улыбнулся, ни как всегда тепло и радушно, а как по принуждению, натянув на лице что-то вроде улыбки, чтобы поддержать свою напуганную Кайлу. Он сжал мою холодную руку и приложил её к своей груди, в которой с надеждой стучало принадлежавшее мне одной сердце.

– Не надо было беспокоиться, зайчонок, – медленно произнёс он и снова закрыл глаза. Ему было больно, я чувствовала это, и тут, мне внезапно стало страшно. Я стала бояться столпившейся вокруг палаты больничной тишины, этой обречённой пустоты, вселившейся в здешние прикрытые бежевой краской стены. Мне стало страшно оставаться за пределами этой больницы без Али, и я медленно положила свою переполненную мыслями голову ему на грудь.

А часы тикали, надменно показывая на циферблате «4». Невысокий врач с серебрянной сединой над правым виском, как привидение, появился у дверей палаты, уставив на нас свои маленькие глазки. Мне почему-то стало спокойнее, когда он подошёл ближе к Али, прикасаясь к его лбу своими аккуратными руками, присматриваясь к движению его зрачков, щупая его холодные руки. Белый халат, видимо, вселял надежду. На несколько моих взволнованных вопросов доктор сначала ответил молчанием. Характер, видимо, был у него такой, потому я тоже замолчала, стараясь ему не мешать

и дать возможность осмотреть Али. Высохшие губы доктора зашевелились, и по комнате в мгновение разлетелся его хриплый голос.

– У вас часто бывают такие обмороки?

Али почему-то не на долго задумался, обернувшись ко мне, и тихо шепнул:

– В последнее время часто. И ещё меня мучает головная боль, особенно под утро.

– Да, его начинает тошнить и появляется рвота, – вспомнила я, обернувшись к доктору. На что он украдкой посмотрел на меня и сделал отметку на белом листе.

– Вас тошнит, когда вы двигаете головой, меняете положение головы? – продолжал доктор. Али задумался, снова взглянув на меня и тихо выдохнул «да». И я замерла в оцепенении. Замерла, поднимая из памяти каждое проведённое вместе мгновение и понимая, что происходящее с Али было намного серьёзнее, чем стоит ожидать. Значит, он что-то от меня скрывал. В глазах стали мелькать обезболивающие таблетки Али, часто попадающие мне под руку, и без которых он не уходил на работу. Его часто мучила головная боль, особенно под утро, и он принимал сразу несколько таблеток, запив их тёплой водой, и сразу юркал под общее одеяло, впихнув голову между подушками. Я вспомнила об этом тут, в этой холодной палате 405.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.